

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №24 ГАЗЕТА

Пётр Овсянкин, Марина Ананченко / Государевы амурь

АНАНЧЕНКО Марина Юрьевна и ОВСЯНКИН Пётр Евгеньевич

Историки. Авторы научно-популярных и научных книг и статей по философии и практике лидерства, редакторы научных и научно-популярных книг, сборников. Авторы пенталогии «Ключ от лабиринта», а именно «Государево слово», «Государевы шахматы», «Государевы амурь», «Государев дар», «Государево око».

Живут в глухой таёжной деревне Фёлово, неподалёку от родины Ломоносова, где зимуют только они и кот Буковка.

Перед Вами третья из пяти книг романа «Ключ от лабиринта», впервые опубликованного в 2022 году. Все книги связаны сюжетными линиями и одной тайной, однако произведение задумано так, что начинать читать его можно с любого тома или даже главы.

«Государевы амурь» — книга о матери гения. Одна из сюжетных линий этого «женского» романа вызвала не только споры, но и «праведный гнев» ряда читателей. Какую тайну хотела сохранить Елена Ломоносова? Как пыталась решить один из вечных женских вопросов о долге перед сыном и мужем и сохранить семейное счастье? Какую загадку спрятала в Четяхх Минеях и «Арифметике» Магницкого? От каких бед и как пыталась уберечь Мишаню? Почему сохранившиеся о матери великого учёного сведения столь скудны, а историки почти ничего не знают о ней, кроме имени и примерных дат жизни? Почему Елена оказалась незаслуженно забытой? На эти «почему» авторы попытались дать свой ответ. В книге нашли отражение первые детские годы Мишани Ломоносова, до девяти лет воспитывавшегося матерью.

Другие книги романа П. Овсянкина и М. Ананченко «Ключ от лабиринта»: «Государево слово» (о свт. Димитрии Ростовском, создателе Четий Минеи), «Государевы шахматы» (главный герой — Пётр Великий), «Государев дар» (художественное воплощение представлений о детстве и юности, научной деятельности М. В. Ломоносова), «Государево око» (о современной истории и «приключениях» Четыхх Минеи).

«Государево слово» — книга о радости созидания, о том, перед каким выбором стоял писатель, на кого в своём «люботрудовельчестве» опирался и какое сопротивление встречал, об отношениях митрополита Ростовского с царём Петром I, а также о тайнах ростовских кремлевских стен.

В книге «Государевы шахматы» мир, Россия предстают шахматной доской, на которой Пётр I

разыгрывает свою историческую партию. Подаренные св. Димитрием Четый Минеи сопровождают государя в поездках. Пётр размышляет, что в мире правит — слово или дело, кто первым войдёт в историю: политик, вершивший судьбы мира, или писатель, эти свершения описавший? Стремясь изменить Россию, Пётр I не жалел ни себя, ни других. При этом он создал такие условия, при которых пешка на политической шахматной доске могла стать ферзём, если прилагала свои таланты и усилия, чтобы сделать нашу страну великой, а народ — образованным.

Основанный на исторических фактах роман «Государев дар» показывает, под чьим влиянием сложились ломоносовская «поморская упряжка» и умение добиваться цели, призывает задуматься о причинах «метаний» Ломоносова по Европе и его раннего (в отличие от других студентов) возвращения из-за границы в Петербург. Авторы предложили поинтересоваться на причины ухода Михайлы Ломоносова из дома, на его отношения с отцом, Василием Дорофеевичем. Впервые в художественной литературе описана учёба будущего академика не только в Московских Спасских школах, университетах Петербурга и Марбурга, но и в Киевской Академии.

Герои книги «Государево око» — студенты и сотрудники Архангельского пединститута (ныне САФУ имени М. В. Ломоносова). По сюжету, студенты-историки знакомятся со старинными книгами, попавшими в начале XX века в библиотеку из духовной семинарии. Редкие издания в интеллектуальном центре — научной библиотеке привлекают внимание воротил международного криминального книжного бизнеса. Удастся ли армариусам уберечь раритеты и их тайну, и где сейчас находятся Минеи — об этом в пятой книге романа «Ключ от лабиринта».

С момента первой публикации романа по нему поставлен спектакль «За столом с гением», снят панорамный видеоролик, записана аудиокнига.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Художник
Александр Тярин

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета» © ООО «Роман-газета», 2024 Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:

в объединенном каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2024 №24 /1965/ Основана в 1927 г.

Пётр Овсянкин, Марина Ананченко

Государевы амурь

Глава 1. Голосом царску душу вздынул

Май 1694 г., Вологда — д. Хетка

- Ты, Иван, не вздымай!
- Я и не вздымаю!
- Вот и не вздымай. Ему за тобой не поднять. А ты прошлый раз вздынул.
- Да не вздынул я. Всё как всегда. Кажинный раз так.
- То тебе так. Вздынешь, и довольнѐхонек. А ему при тебе своё терять? Царское?

Не вздымай боле!

- Да я и не вздымаю.
- Вот и не вздымай...

И снова покатили, по третьему кругу. Еленка за шею папеньки уцепилась, носом в волосы уткнулась, правой ладошкой тихонько их гладила. Едет на батьке и молчит. «Папку жалко. За что его дядя Герасим ругает? Злой дядя. Папеньке ничего тяжѐлого не поднять. Маменька всё говорит, он у них “сухящий”».

Из Заречья, оскальзываясь на мокрой траве, скорым шагом к храму Феодора Стратилата шли четверо. Все в одинаково серебристых капельках майского дождя. Двое были в накинутых поверх ряс тѐмно-синих суконных однорядках: впереди, оборачиваясь и выговаривая, головщик¹ храма в Новинках Герасим, сзади, отговариваясь, с дочуркой на руках Иван, диакон церкви Николая Чудотворца из Владычной слободы, худенький человечек с сильным голосом. Следом в сером домотканом сарафане, на ходу дочке телогреечку одѐргивая и платочек на голове поправляя, про себя переговаривая всё мужнино, будто помочь желая, едва попевала Маремьяна.

Вчера ещё от Алѐши-учителя, от Макарова, узнали, что Государь Пётр Алексеевич пожелал, как и в прошлый приезд свой в Вологду, службу в храме в Новинках отстоять. Потому ль что духовник его, отец Павел служил там, иль что близок храм тот был к слободе Немецкой, в которой остановился. Да и после вчерашней грозы что Государю, что его певчим куда справнее будет двадцать с лишком сажень² пройти, чем до Софийского собора по лужам, хоть и на лошадях, хлюпать.

¹ Головщик — руководитель хора, главный певчий в храме.

² Сажень — 2,1336 метра.

И точно — как сказал Макаров, так и случилось. Велено было лучшие голоса по городу и монастырям собрать, чтоб самим звуками чистыми насладиться и царя порадовать. Петру от гутмановского¹ каменного дома ходу минута, а им пока с разных мест сойтись, да настроиться, пока успокоиться да обсохнуть, пока голосами друг к дружке пообвыкнуть сколь времени надо! Вот и собирались до солнышка. Да бегом всё. Траву приминая, душу навстречь радости расправляя.

Еленка в тот день раньше всех встала. Оделась аккуратно. Ладощками волосики попритяпывала: «Батя говорит: “Господь с небушка на тебя всегда смотрит. Будь красивой”». Плянула на потолок: «Не видно ему, наверное, через доски-то?» Вышла на улицу, головушку вверх вскинула, улыбнулась: «Смотри! Вот я какая!»

Как в храм пришли, Еленке в руки тряпичку игровую, узелком в куколку связанную, сунули и в угол на лавку посадили: «Обыкай на новом месте». Мать со своей тряпкой управляется, пыль убирает. Отец место на клиросе обтаптывает. Все и при деле. Еленка, рано вставшая, играя, так на лавке той и заснула. Проснулась, когда нос её мать в свой подол уткнула, чтоб та спросонья не выдала чего.

Народу кругом! Стоят все смиренно. Видать, уж оттолкались. Примирились с соседями. Ждали не долго. Первыми чуть не в голос зашептались те, которые в храм не вошли. Которым под дождём мокро. Шёпот тот волной до иконостаса докатился и схлынул. Вторая волна за царём шла. Улеглась, когда остановился он.

Еленке и со скамьи не видать ничего, а хочется! Тут дядя Лёша Макаров, учитель сестёр её, поднял малую и усадил к себе на левый локоть. Еленка впереди сразу среди певчих батьку углядела и глазки ему сощурила. И он ей ответно правым глазом подыграл: «Мол, смиренно сиди. Не балуй в храме!» С отцовой сухонькой головкой рядом плечо огромного дядьки в зелёном кафтане с позолоченными пуговицами. Учитель в ухо ей прошептал:

— То царь. Царь российский.

Еленке тут же и подумалось:

— Такой здоровящий, и вздунуть не может то, что папенька ежедённо здымает?!

Днём, когда Еленка топала из огорода с зажатым в кулачке желтячком мать-и-мачехи, её у калитки подкараулил телёнок. Перегородив дорогу, мокрой мордой тыкался ей в лицо и шумно дышал. Отступая, Еленка отпихивала его, тот же всё норовил лизнуть её в щёку. И уж когда девчушка совсем прижата

была к жердям огорода, и силёнок вырваться не хватало, она втянула воздух и закричала.

Выскочившая на крыльцо мать всплеснула руками:

— Ленка, охолопись! Отец голосом царску душе ноне вздунул, ты своим — всю Вологду на ноги!

Вечером батей указано было всем собраться. А и не сказано было б, так всё равно сбежались бы к столу в один час. Интересно послушать о Государе. Рассказывали по очереди. Сперва отец, сидя на лавке, после мать, а потом и оба в два голоса на один манер. О том, как вошёл и как встал царь Пётр сразу к Ивану. Как Иван вздунул, и Государь косил на него. Как после обнял, и каждому с хора по денежке велел дать, а Ивану две в горсть сам вложил. Как после, когда разошлись все, Герасим подошёл и всё головой качал: «Дескать, опять не удержался. Каноны рушишь». И как отец ответил, что «те каноны ноне переписаны и царём утверждены». Как после, примирившись, они вместе из храма вышли.

Еленка залезла на колени к отцу, всё обнимала его и премило для всех, за всех ворковала, повторяя за мамкой: «Ты мой любовью!»

После встала посреди избы, сарафанчик оправила, ручки зачем-то о подол отёрла:

— Плохому дяде Ерасиму, что тятеньку ругал, денежку не дали! Мешочек тряпошный сунули. А всем так дали. И батю!

И будто дивясь, она потешно развела руками:

— А я вот громче всех от телятки кричала, так мне ничего...

Все рассмеялись, и Еленка, сперва губки поджав, тут же звучно, аж поверх взрослого, раскатила свой смех до самой матицы². И повторила звонко:

— Так мне ничего!

Чуть позже невестка выставила из сеней мочёную бруснику. Маремьяна, отодвинув заслонку, достала из печи толокно. Все засуетились. Ульянка и Маша, старшие сёстры Еленки, споро достали ложки, расстелили по столу праздничное полотенце. Миску определили на середину стола. Иван немного подвыровнял её. Определил место, до которого каждый смог бы дотянуться. После своей ложкой начерпал в неглубокую миску овсяного толокна. Поверх рассыпал горсть брусники и кивнул в сторону широкой лавки, на которой с зимы, кутаясь в старый, подбитый овчиной кожушок, лежал Матвей, отец Маремьяны. Та, подав отцу, взяла с шестка Еленкину маленькую плошку. Поставила на край стола. Но Иван взглядом указал: «Не надо».

Поняв, Маремьяна убрала её обратно. Вздохнула с улыбочкой, о чём-то махонько сожалея. Подумалось: «Теперь уж до внуков».

¹ В доме купцов Гутманов в Немецкой слободе во время своих приездов в Вологду останавливался Пётр I. По другим данным, он был здесь однажды, в 1724 г.

² М а т и ц а — продольный или поперечный брус, балка, удерживающая на себе потолок.

Еленка, уловив что, посерьёзна. Придвинулась со своего угла ближе к центру.

Сотворили молитву. Отец нарядил брусничкой кринку. Зачерпнул с краю. Прикрыв глаза, причмокнул. Кивнул. Все разом, оставляя место для ложки Еленки, потянулись за дымящимся толоконным лакомством.

Малая, впервые черпая вместе со всеми, старалась по-взрослому. Не смотрела по сторонам и, как мать, ягодки отодвигая другим, успевала оглядываться на деда. Тот, ягоды боле толокна любя, придвинул их к краю и теперь, вылавливая по две-три, медленно подносил ко рту и, поймав меж зубов, наслаждался кислинкой.

Еленка, подцепив ложкой из общей миски несколько ягодок и помечая толоконными капельками дорожку по столу, расстеленному полотенцу, полу, потопала к деду.

Матвей уж давно не слышал. Увидев внучку перед собой, улыбнулся. Малая опрокинула бруснику в его миску и ответно рассмеялась. После, зачерпнув толокна и выкапав обратный путь, вернулась за стол.

— Не доехать ему, — отец с грустью отвернул взгляд от трясущихся стариковых рук. Посмотрел на сына, затем, склонив голову, ласково на сноху: — Справитесь?

— Не обидим, — невестка, кивнув свекрови и улыбнувшись мужу, поднялась. Подойдя к деду, выловила из его бороды выпавшие ягоды.

Маремьяна, приподнявшись было, опустила на место: «Повезло сыну с Полинушкой. А теперь понятно, что и всем повезло».

Иван продолжил:

— С деньгами, что царём дадены да ране накоплены, на новом месте и корову купим, и матери вот станок, и всё, что по хозяйству. Раньше думал, что Вологда наша — край от Москвы дальний. Теперь в Холмогоры собрались. А за ними Архангельск, и далее, поди, кто живёт. Не пропадём. Обещание, что владыке Афанасию дадено, сполним.

Всема проводили до ворот Ульянку. Маремьяна приобняла её на прощание, шепнула в ушко: «Отпиши, как дитятко народится».

Еленку, в путь собираясь, никто на ночь не укладывал. Она со своей тряпичкой, на которой узелки куколку представляли, всё сидела возле деда. Гладила его по высохшей, словно корень давно вывернутого дерева, руке:

— Корову купим, и я за тобой приеду. Приеду, дедушко!

Старик, давно уж научившийся понимать по губам, удерживая маленькую ручку, стараясь напоследок налюбоваться родным личиком, повторял ответно всё одно:

— Вкусна ягодка. Вкусна.

Глава 2. Дедова книга

Июль 1697 г., д. Хетка, луг у протоки Буяр-Курья

Потревоженная оса вылетела из-под ног и мгновенно ужалила. Резкая боль заставила вскрикнуть, упасть на колени, разжать державшие верёвку руки и прижать ладошки к шее. Освободившаяся бечева тут же скользнула с воза, и ничем не удерживаемое сено съехало с телеги, развалившись во все стороны.

К нахлынувшей с самого утра жаре и назойливым слепням и оводам, к впивавшимся в босые ноги острым иглам низко скошенной травы и к очутившемуся за воротом рубахи колкому стебельку добавилась боль от впившегося жала, жажда и желание убежать в тень, и она в голос разревелась.

Мать, услышав, откинула грабли к копне, торопливо, насколько можно было, по лугу, позавчера скошенному, подошла. Разжав Ленкины ручки, посмотрела на место укуса, метнулась в сторону, сорвала стебель одуванчика и белым выступившим соком потёрла красную точку. Еленка уж перешла было на всхлипывания, но после того, как мать, жалеючи, прижала её голову к себе, разревелась вновь.

— Побегай в деревню! Спроси у бабушки Фени луковичку, располовинь да приложи. И назад уж не возвращайся, нам копёшек пять осталось. Порожней-то не бегай, кринку захвати.

Стараясь не глядеть на лихо размахивавших граблями соседских ребятишек, Еленка с посудиною в руках быстро добежала до оврага и по его сухому в это время года дну, по засохшей и твёрдой, как камень, осыпающейся глине стала подниматься на крутой угор.

Матигоры — они и есть Высокие горы. Только вот высокие они для Севера. На юге-то их и холмами бы не назвали. Однако на угор этот даже по зимнику не каждая лошадь без понукания бревно затянет.

Запыхавшись, Еленка добежала до первого дома, где жила Федора — бабушка Феня, как её звали в деревне. Здесь, на холме, её охолодило ветерком. На солнышко забежала одинокая тучка, столь малая, что прикрыть своей тенью смогла лишь крайние дома и скамейку на краю обрыва. Еленка с разбегу вскочила на неё и, как всегда на этом месте, замерла в восторге от раскинувшегося пред ней простора.

Внизу, отражая в себе июльское небо, блестела на солнце голубая Буяр-Курья. Неспешная протока то разливалась, заполняя просторы луга, то вдруг, перехваченная зелёным поясом разнотравья, сужалась до почти невидимого с угора ручейка. Сам луг был огромен, Еленка в свои семь лет не видела ничего большего и ни разу не бывала на дальних его окраинах. Пытаясь заглянуть за этот край, она привстала на цыпочки на широкой доске. Там, словно обрамляя полукругом детский мир, охраняя его границы, сре-

ди чистых песчаных отмелей бежала Курополка. А ещё дальше, размытая в синеватом мареве, были едва различимы острова, протоки и рукава Северной Двины. Видать, поди, вёрст на десять. И всё это шумело и двигалось.

А людей-то, людей! Отсюда, с угора, всё видать. Со всех деревень округи, словно клоквой по болотному мху или брусничкой по боровому, насыпало их на огромный луг. И всяк спешил. Видно было, как неторопливые старики всё чаще поглядывали на север, в её, Еленкину, сторону, на матигорский холм. Над ним не собиралась, а уже нависала огромная тёмная туча. Она сгрудилась и угрожала двинуться на длинные валки сена, на мерно вскидывающих граблями людей, на всхрапывающих коней, суетливо перебегающих жеребят, на не утрамбованные ещё стога. Еленка оглянулась. Там, в стороне, которая из-за холма людям на лугу не видна, тучи были ещё чернее. От них к земле шли косые, подсвеченные солнцем полотнища:

— Дождь, — догадалась она. — А наши-то не знают! Не видать им!

Со скамейки своей, привскочив на цыпочки и сорвав с головы платок, она стала отчаянно размахивать им над головой. И вглядывалась почему-то всё чаще в старика Игнатича. Совсем старенький, он больше стоял, на грабельки свои опираясь, чем работал. И угадала она — повернулся он в её сторону. Она, аж подпрыгнув от радости, пуще ещё вымахивать стала. Игнатич руку ко лбу приложил, глаза от солнца прикрывая. Еленку, что рукой в сторону северную махала, заметил, пооглядывался на ивы, что от ветра всё сильнее раскачивались, на небушко изменчивое, свои жизненные приметы с девчачьим вытанцовыванием соизмерил, и — что уж крикнул, сказал ли, только всяк услышавший, на Еленку и на тучу на миг взглянув, заработал отчаянно быстро. И тут же волнение это передалось всему лугу. Никто уж нового не стребал, а по поднявшемуся ветру, чтоб помогал, сгнали валки поближе к стогам и метали засохший стебельками, цветами, разнотравьем июль, поддевая его на трёхрогие вилы, на самый верх стогов.

Еленка соскочила наземь. От охватившей радости захотелось кричать, прыгать: «Успеют! Успеют собрать сухонькое». И тут только вновь испытала не проходящую боль от укуса. Вспомнила про луковицу, побежала. Да бабушки Федоры в избе не оказалась. Еленка кинулась домой, оставила маменькину кринку на столе, зачерпнула из ушата водицы, намочила полотенце, приложила к укушенному осой месту. Укрылась от жары на повети. Повернула вертушок. Рассохшаяся дверь привычно скрипнула, Еленка перевалилась через высоченный порог клетки и прикрыла скрипучую за собой.

И тут по тёсу крыши ударило. Без вступлений, без лёгких крапинок, не предупреждая. Полило сразу шумно, напористо. Одновременно с громом.

Еленка представила, как там, на лугу, кинулись все к стогам, прижались спинами к обчесанным бочкам и смеются. Уж непременно смеются. Оттого, что успели, от перемены этой неожиданной, от прохлады, от данного Господом отдыха.

Представила, как лошади стоят и улыбаются, что охолодил их дождичек, прибил оводов. И что можно вот этак-то просто постоять под тёплыми струями, и не тащить ничего, и не спешить никуда.

В махонькое окошко света пробивалось на четверть страницы. И всё ж Елена достала из сундучка тяжеленную дедушкину ещё Псалтирь. От дедушки больше и не осталось ничего. Как переехали к Холмогорам, так месяца не прошло, пришла от брата весточка: схоронили деда.

Еленке и сейчас страшно представить, как дедушко в гроб улёгся, кожушок тёплый на себе оправил, и то последнее, что говорил ей, прошептал: «Вкусна ягодка». Брат почему-то ему глаза закрыл, а дедушко сказал: «И уж всё закрой». Тогда тяжёлую крышку сверху на него надвинули.

Дальше Еленке совсем страшно представлять. Хотя и не видела, да слышала, что в яму земляную закапывают. «Бедный дедушко Матвеюшко... Ведь темно там, и уж никак ни во что не поиграть».

Она сидела на сундуке и, сколь не думала, а понять не могла, почему одни люди старятся быстро и сразу, почитай, стариками становятся, а другие — вот как батюшка с мамушкой — вовсе не стареют. А вот девочкины люди — вот как она или Луша соседская, Варька заречная или вон даже Дуся-кругляш — так и вовсе не растут: и не взрослеют, и старыми не становятся.

Еленка надавила ладошкой на обтянутую кожей деревянную обложку, замочки и отскочили. Разглядывала знакомые ей уже картинки, читала медленно, голосу дедову подражая, и не заметила, как боль от укуса отступила, куда-то исчезла.

Вечером, устраиваясь на полатах, она шептала Машутке:

— У нас шептунья в клету. Книга дедова. Стала её читать, и про осу забыла, и не болит совсем.

Глава 3. И скорбь, и радость — всё у человека на одной телеге. В одной упряжке через всю жизнь

10-11 октября 1698 г., д. Хетка — Холмогоры

Стёпка прижал к себе однокрылого воронёнка, прикрыв его, спиной к родителям поворотился. Сидя за сундуком, вздрагивал и лишь изредка, когда уж особо страшно было, выглядывал: «Отца жалко. Мачеха его куда здоровее. Вот сегодня их «воронежской кобылке» — так соседка Хрисовна толкует, — «шлея под хвост попала». И тут или скорей из дому беги,

хоть где отбивай, но ране утра на глаза ей не показывайся.

А сегодня враз началось. Без разгону. Шляя, видать, широченная. Схватились у самых дверей. На двор и не выскочишь».

Воронёнок глупый, этакого крика в жизни ещё не слыхавший, кинулся, крыло расправив, под лавку, после к дверям, да Стёпка его подхватить успел и сидел теперь на корточках меж сундуком и стеной. Ждал своего. После батюшки ему, «отцову приبلудку», завсегда попадало. Чёренького сунул под рубаху, руками, как мог, прикрыл и ждал очереди.

Батюшка, когда мачеха его била, на улицу боле не бегал. Там после смеялись над ним обидно. Да тут хоть как, хоть где обидно. Таскают за волосы, и не вывернуться. Здоровенна Меланьюшка. По первым-то годам, когда у бати её, воронежского плотника, в Вавчуге жили, отец даже хвастался перед мужиками:

— Я и дров не колю и пласты назёмные не ворожаю. Жена-то на что!

А вот как отделились, в Холмогорах на Глинской слободе дом прямо у стены Соловецкого подворья присмотрели, так познал батя на себе, какова в глухой бабе силушка.

И каждый раз с непознанного ране начинает. Не угадаешь. А заканчивается всегда одинаково. Даст по шее, да так, что батя лицом оземь до крови бьётся. А после мачеха ищет его, Стёпку, кличет приبلудком и, схватив, тычет носом в утирающегося, сидящего на полу батю».

Сегодня тем и закончилось. А началось с нового, ране беспричинного — с самовара: «Уголья не вытряс, лучины не нащепал».

А чего их трясти? Никогда такой глупости не делали. Да и горячий ещё самовар.

Батя, охая, поднялся, Стёпку коленом от большей беды к дверям подтолкнул, самовара трубу отставил и, ухватив ведёрный под ручки, шагнул с ним на двор.

На удивленье стариков, осень в тот год стояла сухая, бездождливая. Хрустящая, ломкая трава была вся усыпана пожелтевшим листом. Батя, с крыльца не сходя, самовар на перила поставил, краник открыл, остатки воды слил. После, крышку сняв, угли да шишки не догоревшие вывалил. Ему бы наоборот сделать: поначалу угли тлеющие выкинуть, а после уж их водой... Да ему в час тот вовсе не в дому быть, а вон хоть с неводом на реке. «Да и без невода, только подальше... Да не жениться бы снова. Иль уж не на этой? А может, лучше б и вовсе...»

Да уж что теперь-то? Уйти с соседских глаз поскорей. На печь. Нет, лучше на повесть, в сено. Стёпку жалко... Что у них носы похожи, так разве за то мальцов бьют? А его — за самовар? Да хоть за что! Баба — она вообще мужика бить не должна!

Тёмен на Севере октябрьский вечер. День стоял безветренный, а как на колокольню поднялись, с Двины свежим, колючим, чуть не морозным холонуло. Да столь понятно, предзимне, что Иван подумал: «Не прихватило бы дочку».

Еленка свою скамеечку к кирпичным перилам придвинула, стала на неё, оглянулась на все стороны:

— А ведь не нужна боле скамейка. Выросла я!

— Подросла, а старших всё не слушаешь. — Иван потрепал дочурку по голове. — Говорил тебе, звёзды с земли лучше разглядывать. Шатёр-то не мешает. На сколь ближе к светилкам стали, коль сюда поднялись?

— Так вот, на сколь ступенек поднялись, настоль и ближе.

— И что? Виднее тебе они отсель? Крупнее?

— А как не крупнее, коль поднялись!

Иван перешёл на другую сторону колокольни, посмотрел сверху на свой дом. Лучина за окном отбрасывала совсем слабый свет, едва освещая дрова на вытоптанной земле. Он вспомнил, что днями так и не смог ответить на Еленкин вопрос: «Отчего костёр, что жгли на краю полосы, репу собирая, и костёр дров одним словом зовётся?»

Сына вырастил, старших двух дочек, но малая, видно, всех троих в интересе к миру превзойдёт. Ведь сам себе сколь раз говорил: «Воистину, коль путь к небу ступенями колокольни прошёл — так ближе к звёздам стал».

А почему ж, когда дочь про то же толкует, отрекаюсь? Опять же вот, к Богу сколь человек тянется, а разве ближе он к нему в конце жизни? А спроси сейчас о том Еленку, ведь найдётся с ответом. Недаром владыка Афанасий её среди одногодков одну и привечает. Говорит, что огоньки в глазах её видит. И ещё что учиться ей надо. Из костра знаний подбрасывать дров в костёр восторженности. Чтоб не затухал».

— Папинька, что это? — Еленка показала рукой на Холмогоры.

Иван подошёл. В дальней стороне, будто что вспыхивало и вновь затухало. Ясно сразу: горит. И коль им и отсюда видать, и ветер этот, и время почти ночное, спят многие, и сушь вторую неделю стояла, то, значит, страшное зачалось. Пожар!

Иван взялся за верёвку большого колокола. Налегая, раскачивать язык начал. Беда вдруг затухла. Не видать стало пламени. И Еленка закричала:

— Потухло. Не горит боле!

Стёпка замёрз на реке. Хоть тут и теплее от воды, да всё ж не лето. Луна эвон холодная. Ветерок поднимать начал волну. Ребята все давно разошлись. Воронёнок сперва клювом норовил ударить, после щипнул больно. Он его за пазухой прижал — и к дому.

Шёл путём, которым по весне на берег лодки таскали. Пологой дорогой. Поднялся и сразу где-то у

своего дома увидел огонь: «Так не должно быть. Какой костёр посреди сухого? Дерево кругом одно. Дома, бани, стены вон крепостные». И тут понял: «То, наверно, батя не выдюжил и палит. Огнём выжигает свою обиду».

Он кинулся напрямик через соседские загороды. Подбежал. Горело крыльцо. Да как горело! Он прыгнул к окошку. Ударил. Вскричал что-то. Бросился к колодцу. Схватил ведро с водой. Плеснул на дверь. Тут она отворилась, и он увидел заспанную, в одной рубахе, мачеху. Та, от жара спасаясь, рукой прикрывшись, дверь захлопнула и чрез минуту выскочила снизу, из назёмных ворот, таща за собой упирающуюся корову. После бросилась к шестивёдерной бочке, что стояла в огороде. Ухватила её обеими руками и, чуть не на вытянутых держа, подбежав, швырнула со всей силы на полыхающее крыльцо. Обручи смялись, доски разлетелись, вода залила пламя. Всё вокруг враз потемнело.

Но через минуту полыхнуло высоко, прям из-под крыши. Вспыхнула, теперь уж безвозвратно, повесть, доверху набитая сеном.

На Хеткинской колокольне Еленка затопала ножками:

— Папка, опять горит!

Иван что сил было налёг на верёвку. Первый удар был слаб. Язык чуть только коснулся кольца. Второй звучал уже набатом. В ночи, в час неурочный, будя людей, Господа призывая, гудел колокол.

— Батя там! — заорал Стёпка и, пригнувшись, бросился к дому.

— Приблудок отцов! — хватая его за рубаху, злобно закричала мачеха. — Меня спалить хотел! И она отбросила его к амбару.

Стёпка головой ударился о камень-ступень и обмяк. Воронёнок, глазом на огонь блестя, выбрался из разорванного ворота и попрыгал, одно крыло по земле волоча, прочь: «Не у кого боле искать защиты. Гори всё огнём!»

Еленка на колокольне стояла, ручки на груди скрестив. Иван вниз в деревни матигорские всматривался. Уже от многих изб выводили запряженных лошадей. Мужики хватали вилы, лопаты, кидали на телеги вёдра. Пожар в лесном краю, в деревянных северных городках да деревнях — беда общая.

— Спустишься сама. Из дома с матерью — никуда! Оно неизвестно ещё, как обернётся. Я к владыке Афанасию на подмогу, — отец кричал уже из глубины лестничного колодца, из-за второго крутого поворота.

Еленка осталась одна. Волнение, боязнь за них отца передались и ей. Смотреть на разгорающийся пожар вдруг стало страшно. Огонь в печи или вот

огонёк лучины, свечи был своим, домашним. Грел и светил. Без него как, особенно зимой, жить? Зимой огонь и есть тепло. Жизнь. Доброта. А тот, что пылал сейчас над Холмогорами — то не жизнь. Смерть.

«Это что же, — Еленкиного понимания тут не хватало — много доброты — зло?»

Над городком будто факелы вспыхивали. «То стога, что во дворах, от искр разлетающихся загорались», — поняла она. А после и избы, и бани, и амбары. В темноте ночи то было особенно жутко. Красное поднималось всё выше, отражаясь в редких облаках. Облаков становилось всё больше, словно они собой прикрывали от нестерпимого жара небо, луну, бездонность. И показалось Еленке, что даже померкли те звёзды, что горели ране над самими Холмогорами.

«А как же тот злобный пёс, что у рыбной лавки всегда привязан? Ведь не сорваться ему, — она знала. — Сколь раз, когда мимо проходила, он с силой рвался, оскалившись, а верёвка держала его. Шею перетягивала. А теперь вот жалко его стало. А коровушки? А утята? А люди? Сколько в Холмогорах живёт!»

Тут она совсем неожиданно и неприятно для себя услышала откуда-то снизу смех. Перебежала на другую сторону, перегнулась. На её скамейке, что над самым обрывом, прыгали Тёмка да Пашок, прибежавшие с дальних домов. Кричали, пальцем на зарево тыча, и били себя по коленкам. А на ближнем краю скамьи на одной ножке подпрыгивала, ручками растопыривая полы своего вечно грязного сарафанчика, Иринка-замара, Семёна Корельского дочка.

— Дураки, — крикнула Еленка вниз, — дураки! — и заплакала. Не от страха — оттого, что есть такие вот Тёмки, Пашки дурацкие да Иринки. «Почему такие люди?»

Она снова взглянула вниз. Мальчишки от её крика бежали уж под гору. Иринка же уходила неспешно. Повернувшись вдруг к колокольне, она высунула язык и погрозила кулачками.

И только Еленка хотела было ответить задире, как тут же услышала колокола. И с холмогорских храмов, и с Курьи, и с Чухчерьмы, и даже с Вавчуги. Гигантский костёр горел, отсюда неслышим: ни треска, ни гула. А колокола, призывая к помощи, к милосердию, гудели над всей округой. Звучали только самые большие. С густыми, и на небе слышными, голосами. И от единения этого, оттого, что сейчас точно придут на помощь, проснутся все, выведут коровок, лошадок, пса злого отвяжут, сами спасутся, Еленка зарыдала в голос.

Отец вернулся лишь под утро, и не один. Сперва Маремьяна услышала остановившуюся под окнами лошадь. И тут же отчётливо слышны стали стоны.

Она бегом кинулась на двор. Иван усталый, весь чёрный от копоти распрягал коня. «Невредимый!» На телеге лежал мокрый, с опалённой бородой человек. Про бороду Еленка с матерью да сестрёнкой после уж углядели, а пока с ужасом слушали стоны незнакомца и смотрели на его спину. Через разодранную одежду видны были красные пятна и желтоватые пузыри.

— В баню перенесём, омоем, — Иван теперь уж сутился над обгорелым человеком.

Часом позже, когда Луку Ломоносова, пострадавшего на пожаре, уложили спать на двух составленных рядом лавках, в избе, пропахшей от одежды гарью и копотью, Маремьяна с дочерьми слушала рассказ Ивана:

— Глинский посад выгорел весь. Анбаров, лавок сгорело не счесть, домов тьма. Две церкви да таможня. Сказывают, многие купцы отстраиваться тут не будут, в Архангельск пойдут, там лавки откроют да дома себе строить зачнут. Слава Богу, Курцевский посад-от, где храм Спасо-Преображенский да дом архиепископов, огонь обошел.

Иван повернулся к Еленке:

— Спасибо тебе, глазастая, от владыки Афанасия. Он вчера на колокольне, на втором ярусе трубы окозрительные готовил, чтоб подняться и в небо их наставить, как услышал наш колокол. Вначале вниз спустился, понять ничего не мог — оттуда-то зарева не видать. Наверх поднялся, а там уж и сам звоном народ поднимать стал. Вот вовремя все собрались, отстояли и крепость, и собор, и двор архиерейский.

— А рыбная собачка? — Еленка, с надеждой улыбнулась.

— Дак уж всяко спасли, — отец прижал её к себе. — Рыбная лавка была всех ближе к центру пожара. У самой загороды Соловецкого подворья. Спасли! — добавил он уверенно и продолжил: — Вот Лука, поди, и спас. Он в подворье монастырском ночевал. Его и заливал водой, дворово имущество отставал. Да не свезло: ворота на него рухнули. Он староста в Куростровском приходе. Владыка Афанасий выводит его велел. Я от владыки и книги привёз. Он всю библиотеку по храмам разослал. Сказал, пусть у нас побудет, пока дождями не зальёт пожарище. Уложите пока всё в церкви. Сейчас её открою, — сказал, по лавке к углу придвинулся, к стене под иконы привалился и сразу заснул.

Еленка вперёд сестры да матери на двор вышла. Сейчас только и заметила: у коня их, Воронка, грива местами подпалена. И ему от огня досталось... Она подбежала, погладила коняшку, после к телеге подошла. Мать уже откинула половики, на которых Луку везли. А под ними книги и труба окозрительная в футляре. Девчушка за трубу вцепилась да тут же отпустила, открыла книгу и засмеялась заливисто.

«Уж больно любит всё новое, — Маремьяна глянула на неё. — Вот как оно. И скорбь, и радость — всё у человека на одной телеге. В одной упряжке через всю жизнь».

Глава 4. Кого байнушко¹ зрения лишает

Апрель 1702 г., д. Хетка

Снег стаял сперва на солнечной, весенней стороне дома. Полосой отступил и капельками блестел рядом, словно и сам был рад серовато-коричневой земле, проступившей среди белого, за зиму самому себе наскучившего. Прошлогодний лист, ощутив свободу от снежного плена, рвался при каждом дуновении ветерка подняться и повторить свой единственный осенний полёт. Но удавалось лишь, подпрыгнув, перевернуться и, зацепившись за сухую травинку, ждать, когда рядом иголкой проклюнется зелёный росток, чтоб напомнить листу ярким цветом жизни его молодость. Вокруг стволов спящих пока ещё берёз за день образовался свой тёплый мирок. Осваиваясь в нём, воробьи весело перебирали вытаявшие травинки, бурые листочки, будто перечитывали своё прошлое лето. Солнца с каждым днём становилось всё больше, а снега меньше. Всё в природе просыпалось. Улыбаясь радуге, мелькавшей в каждой капле, пробуждался к своей тринадцатой весне и Ванюшка Ломтев.

Была суббота. Он натаскал воду в баню, залил с верхом оба ушата и затопил. Времени до следующего подкида оставалось ровно столько, чтоб добежать до закадычного своего дружка Климки. Выпытать, пойдёт ли тот под вечер на своё тайное, столь будоражащее, столь желанное, но и боязное, какое-то непристойное, что ли, дело.

Ванюшка уж до улицы добежал, да тут байнушко надоумил обернуться. И вовремя: дыма из бани не видать. Да и откуда? Дверь сам плотно притворил, а дощечку в окошке волоковом забыл отдёргнуть. Бегом назад, дверь на себя, и присел сразу. Дым будто только и ждал: кинулся, выплеснулся наружу. Ванюшка ползком почти, на ощупь добрался до окошечка, дёрнул задвижку в сторону и — на двор. Глаза разъедало, в горле першило. Снега полные горсти зачерпнул и — в лицо: «Полоумок! Права мамка. С марта то котом его, то полоумным только и кличет. Ведь снаружи можно было открыть-то». Сидел, глаза протирал. Глупость слезой из себя выкапывал.

Тут и Климка сам подоспел, глазастый. Смеяться издали начал: как же, у дружка сажа на лице!

Сели у поленницы.

— Пойдёшь? — Климка хитро сощурился.

¹ Байнушко, баёник — обитающий в банях домовый.

— Не знаю. Чего я там не видал? — Ванюшка отворотился и начал обрывать кору с берёзового полена.

— А уж ясно, что не видал. Коль повидеешь, так брыкаться не будешь. Сам вдругораз первой, уж без меня, побежишь.

Ваня, как представил, что сам, один, да безбоязно — краской залился и голову вниз опустил, как в церкви на исповеди, перед отпущением грехов.

— А ведь стыдно, поди? — спросил он, на Климку не глядя.

— Ишо чего! Твои мамка с батей ходют вдвоём, и что? Постыдно?

Климка другое полено вытащил и, кору за край подцепив, завиток медленно так отодрал:

— Меня, когда бабка за тем поймала, вицей хватила... А после уж, вечером, миром втолковывала: «Того, кто этак вот безобразит, байнушко зрения лишает. Посмотришь разок, а после уж ничего не увидишь». Так я в другую субботу попробовал. К Мелентьевым девкам подкрался, и одним глазом всё у них углядел. В чёрноте-то белотелые они. Листы веничны только пристали. Всё видать. После за гумно отбежал, глаз второй открыл: врёт бабка! Обоима одинаково видать. Так пойдёшь?

Ваня молчал. Хотелось страшно. Тянуло. Подумал даже, что лучше бы одному. Чтоб без стыда. Да тут же и решил, что одному-то от стыда и не решиться.

Климка подтолкнул его под локоть. Сунул в руки ободранное полено:

— Не трусь! У больших амбаров, как стемнеет. На гору пойдём. К Сивковых бане. У Ленки видал, как топорщатся?

Ванюшка сам от себя такого не ожидал. Не знал ране себя такого. Вскочил, поленом на друга охальника замахнулся и не попал только от Климкиного проворства. Тот через скамейку кувырнулся и зарорал:

— Полоумный! Стыдоба чумазая, — и дёру со двора.

Ванюшка поленом по скамейке вдарил, да тут же на вмятину и опустил: за его Еленкой ещё подглядывать!

— Вечером притаюсь на тропке, и если пойдёт, уж другой раз тем поленом не промажу. Чтоб ты ослеп!

Глава 5. У таких всё счастье до лета, а придёт зима, хоть и не живи...

Май 1702 г., д. Хетка

Еленка устроилась на маленькой скамеечке перед распахнутыми поветными воротами, перед самым взвозом, и щурилась на солнце. Дом их стоял у хра-

ма, ближе к краю холма, и с повети видна была вся деревня. Мать, сидя зади на колоде, на которой отец обычно обрубал и вязал веники, заплетала Еленке косу.

Одним глазком Маремьяна глядела на затылок дочери, другим на деревню. Плели уж второй раз. В первый девоньке показалось, что не столь ладно улеглось: сверху выбилось много и за ушами не подобрано.

Перешли на повесть. Тут света больше и отцовых прибауток не слышать. Прошлый месяц ещё старшая сестра Еленке косичку плела. Да теперь, свои косы расплетя, замуж вышла, съехала счастливая. Вот и приходится матери бывшее вспоминать. В тринадцать годов — она по двум старшим дочкам хорошо помнила — с первого разу никак не заплесть. Пока девка сама сидеть не устанет, так всё не ладно. Да и может ли быть лад, когда кругом птахи разное щебечут, в перезвон капли попадая? Ручейки сон зимний со всей округи в реку собирают, к морю уносят.

Ванюшка, что с домов у Пенюшки-речки, зиму всю отбегав в соседнюю деревню, к весне на балалайке выучился.

Оттого Маремьяна так и настроилась, что примут её работу раза с третьего. А и ладно! Перебирать да укладывать тёмные, чуть с рыжинкой, мяконькие волосы было приятно. Себя молодую вспоминала. Руки материнские на голове своей.

Еленюшка самая бесхлопотная растёт. Всё сама. Как ходить начала, так всё старается внимание не на себя, а своё — на других. Бабушка Федора Ленюшку нахваливала, а как отойдёт та подале, жалостливо прибавляла:

— У таких всё счастье до лета, а придёт осень да зима, хоть и не живи.

«Да пусть не сбудется. Старуха много пустого по земле метёт...»

Посреди деревни зашумели. Маремьяна вскинула голову. От Якушки Микулина вывернула лошадь. Тащила сани с новой, за зиму сшитой лодкой. Мужики, спустив лодку с повети, теперь провожали прибаутками и смехом. Сам мастер правил, сидя в судёнышке на скамье. Издалека были видны каурая лошадка и плывущая по деревенской улице белая, смолы не знавшая, лодка.

«Словно по памяти моей плывет! — Маремьяна улынулась, покачала головой: — Вот кто придумал, что коротка девичья память? У Ленюшки она такова, что мельком где услышит, повторить до последнего хоть через месяц, хоть опосля сможет. И ладно бы наше, — так и немецкое, слово в слово. Да ещё со значением. С отцом прошлым летом в Архангельске была. Напросилась карбасы монастырские сопроводить. Вернулись, отец вечером, как подарки раздал, хитро брови вскинул, Еленку за руку вывел к печи, сел сам и кивнул: «Начинай». Та и давай говорить. Да